

УДК 811.11.2'1

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (на примере немецких концептов 'Geld' и 'Politik')

Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина

В статье рассматриваются особенности объективации немецких концептов «деньги» и «политика» в сфере общественно-политической коммуникации современной Германии. Социальный признак данных ментальных единиц характеризует метафорические словоупотребления их репрезентантов, связанные со сферами спорта, криминала, войны, профессии, религии, искусства, науки и пр., в которых они выступают как средством упорядочивания опыта и знаний, так и средством политической идеологизации.

The article is dedicated to a cognitive study of the objectification of German social concepts “politics” and “money” in the social and political communication of modern Germany. The social code of both cognitive target domains manifests metaphorical use of their representative words in the source domains of sports, crime, war, employment, religion, art, science etc. These metaphors are a means of accumulating experience and knowledge, as well as a tool of political ideology.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, картина мира, когниция, концептуализация, концепт, концептуальный признак, концептуальная сфера, понятийная сфера, немецкая лингвокультура, социальная коммуникация.

В современной лингвистике прочно укоренился антропологический подход описания языковых реалий, связанный со смещением исследовательской парадигмы с изучения языка как саморегулирующейся и относительно самостоятельной системы на рассмотрение языка как способа отображения картины мира (наивной, научной, художественной и пр.) в сознании (когниции) носителей данного языка [16, 17, 24, 25].

Описание особенностей внешнего и внутреннего мира человека связано с делением (концептуализацией) этих миров на составляющие элементы (фрагменты, области), базовые единицы которых в когниции человека предстают в виде целостных ментальных образований (концептуальных сфер, концептов), отражающих в языковой картине мира опыт и ценности, культуру, историю и традиции данного народа.

Первым в отечественной лингвистике термин «концепт» употребил С. А. Аскольдов, который под концептом понимал «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [6, с. 269]. В современной лингвистике существует несколько подходов к трактовке понятия концепта в рамках различных направлений. Так, интегративное понимание концепта свойственно, например,

С. Х. Ляпину. По его мнению, концепт предстаёт как «многомерное культурно-значимое социопсихическое образование в коллективном сознании, опредмеченное в той или иной форме» [15, с. 11].

Логический подход к изучению концептов связан с именем Н. Д. Арутюновой и представлен в серии коллективных трудов под её редакцией. Концепты определяются Н. Д. Арутюновой как понятия практической/обыденной философии, возникающие «в результате взаимодействия таких факторов, как национальная традиция и фольклор, религия и идеология, жизненный опыт и образы искусства, ощущения и системы ценностей» [5, с. 3]. При таком подходе особое внимание уделяется контекстуальной связи формирующегося концепта в сознании индивида или коллектива с уже усвоенными глобальными общественными ценностями социума.

В. В. Колесов говорит о концепте, как о «смысле, который может существовать на уровне сознания в различных формах: образе, символе, понятии» [11, с. 112]. Подробно излагая и анализируя идеи русских философов, он представляет различные точки зрения на понимание концепта: мистическую, богословскую, универалистскую, диалектическую, логическую, методологическую, культурологическую, семиологическую, коммуникативную, лингвистическую и философскую [12, с. 127 – 129]. Философская трактовка концепта, по мнению В. В. Колесова, синтезирует все другие мнения, касающиеся понимания этого термина. Р. М. Фрумкина определяет концепт «ментальной сущностью» [23, с. 91].

Для Г. И. Берестнева концепт – «категориальная ментальная репрезентация», которая лишь относительно структурирована из диффузности и недискретности и не имеет собственного специального плана выражения, так как значение слова, входящего в синонимический ряд – это только часть концепта, никогда не доходящая до целого» [8, с. 48]. А. П. Бабушкин, анализируя различные толкования термина «концепт», даёт свое определение концепта как «ментальной репрезентации, которая определяет, как вещи связаны между собой и как они категоризуются» [7, с. 9]. По мнению некоторых исследователей, данные определения соответствуют психолингвистическому подходу.

По определению В. В. Красных, концепт – это «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергаясь когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [13, с. 184]. По мнению А. Вежбицкой, «концепт – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определённые культурно обусловленные представления человека о мире «Действительность» [26].

В интерпретации Е. С. Кубряковой, «концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка, мозга; всей картины мира, отраженной в человеческой психике, это – «квант знания» [14, с. 90]. Далее исследователем отмечается, что концептуальная информация может представляться в сознании индивидуума не только на основе значений языковых выражений, но и ментальными репрезентациями принципиально другого типа – образами, картинками, схемами, сценариями и т. п. Именно поэтому значение языкового выражения, в частности слова, определяется как концепт, «схваченный знаком» [14].

Как представляется, только часть концепта попадает в знак, т. к. концепты, по мнению многих исследователей, существуют в ментальном пространстве индивидуума не в виде чётких понятий, а как «пучки» представлений, понятий, ассоциаций, переживаний, знаний, которые сопровождают каждое слово и другое языковое выражение. По этому поводу Ю. С. Степанов отметил, что «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда столкновений» [21, с. 43].

С точки зрения С. Г. Воркачёва, «концепт – это единица коллективного знания/сознания, отправляющая к высшим духовным ценностям, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [9, с. 65]. По мнению М. В. Пименовой, «концепты – это единицы концептуальной системы в их отношении к языковым выражениям, в них заключается информация о мире. Эта информация относится к актуальному или виртуальному состоянию мира. Что индивид знает, думает, представляет об объектах внешнего и внутреннего миров, и есть то, что называется концептом. Концепт –

это представление о фрагменте мира. Такое представление (образ, идея, символ) формируется общенациональными признаками, которые дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения. Концепт – это национальный ментальный образ, идея, символ, осложнённый признаками индивидуального представления» [18, с. 9].

Таким образом, вербализованные концепты описывают свойства, качества реальности в том виде, в каком она представляется носителям данного языка и закреплена в их сознании, а язык, соответственно, являет собой лишь «зеркало», отражающее в своей структуре и всех своих подсистемах (в первую очередь – в лексической, грамматической и стилистической) все те ценности и весь тот опыт, который накоплен и закреплён в языковом сознании людей.

С данной точки зрения существенную роль в лингвистической науке приобрело изучение концептуальных структур и отдельных концептов разных языков и на материале различных типов дискурсов. Российские исследователи выделяют типовые группы и группировки концептов, в том числе дифференцируют, например, ментальные концепты (среди них: «дух», «душа», «сердце» и пр.), психические («ум», «разум», «воображение», «мечта»), эмотивные («любовь», «дружба», «ненависть» и пр.), социальные («политика», «экономика», «деньги», «семья»), культурно-политические («Россия», «Германия», «США»), категориальные (цветовые, дименсиональные и прочие концепты) и т. д. [1 – 4].

Концепты являются многомерными и неоднородными ментальными образованиями, которые могут включать в себя другие концепты, в таком случае представляется возможным выстроить иерархию концептов. Так, например, социальный концепт «политика» упорядочивают такие субконцепты (их можно также рассматривать как самостоятельные концепты), как «социум», «власть», «государство», «правительство», «экономика», «война», «религия», «СМИ» и пр. К этой же понятийной области относятся исследования и так называемых «историосфер» [20].

Семантическими смежными в немецкой языковой картине мира являются социальные концепты «деньги» (нем. 'Geld') и «политика» (нем. 'Politik'), отражающие в современной немецкой лингвокультуре соответственно сферы социально-экономических и социально-политических отношений. В контекстуальных словоупотреблениях в различных типах дискурсов и в лексикографических источниках языковые номинанты данных концептов проявляют наиболее актуальные признаки в структуре данных концептуальных образований, отражающие как общечеловеческие (т. е. характерные и для других (прежде всего – европейских) лингвокультур), так и специфические, культурно-обусловленные характеристики, представленные в немецкой лингвокультуре.

Выделение признаков структуры концепта сопряжено с выявлением в его структуре некоторых «слоев» («концептуальных признаков»), которые

охватывают исходные семантические области, аккумулирующие фундаментальные параметры окружающего мира, универсальные для всех представителей данного языкового сообщества. Так, например, в структуре определенных концептуальных сфер представляется возможным выделить признаки, среди которых «растительный...», зооморфный..., перцептивный, соматический (телесный), антропоморфный, предметный, пищевой, химический, колоративный, дименсиональный, пространственный, временной, ценностный, теоморфный» [19, с. 90], а также, например, социальный (исходная концептуальная сфера «Социум»).

Социальный концептуальный признак охватывает те номинации, которые связаны со сферой общественно-политических и гражданских отношений в обществе, когда человек проявляет себя как представитель определенного класса, социальной группы, политической партии и т. п. Данная понятийная сфера соотносится с такими видами деятельности, как спорт, криминал, война, профессиональная деятельность, национальная и религиозная принадлежность, социальный статус, искусство, наука и т. д. В структуре немецких концептов 'Geld' и 'Politik' социальный признак выражается определенными сходными и различными семантическими свойствами.

Метафорический признак войны характеризует «деньги» как солдата, который может быть мобилизован (нем. 'mobilisieren') и способен вести боевые действия ('einen Krieg führen'), например: *Zudem mobilisierten die insgesamt 138 Millionen Euro, die allein der Bund für dieses Programm bereitstellte* (Perspektiven im Osten). „Wenn Geld dazu dient, andere Familienmitglieder zu kontrollieren, kann dies äußerst schmerzhaft sein“ (Boundy: 95). „Christian Leipert verwendet in seinen Arbeiten den Begriff der „defensiven Gelder“ (Schily, s. 102). „Geld führt den Krieg“.

Сфера немецкой «политики» также может быть описана милитарными метафорами. Так, например, посредством вторичных номинаций деятельность немецких партий и фракций на внутривнутриполитической арене представляется как «ведение предвыборной борьбы» ('den Bundestagswahlkampf führen') и «идеологические окопные войны» ('ideologische Grabenkriege'), ср.: „Ich wünsche mir, dass sich unser Gemeinwesen solchen Fragestellungen zuwendet, spätestens dann, wenn sich die multimedialen Nebelschwaden des Bundestagswahlkampfes verzogen haben werden“ (Kohn, 1998, s. 13). „Das Gerede der SPD vom Kassensturz ist angesichts des von der Bundesregierung vorgelegten vollständigen Zahlenwerks nichts anderes als Wahlkampfgetöse“ (Waigel, 1998, s. 3). „Es ist nicht meine Aufgabe, mich an parteipolitischen Grabenkämpfen zu beteiligen“ (Rau, 2001b, s. 409). „Ich rufe alle Verantwortlichen in den Parteien dazu auf, gemeinsame Lösungen zu finden. Wenn das nicht gelingt, wird darüber im Wahlkampf zu reden sein, nur sollte im Wahlkampf darüber angemessen, also sensibel geredet werden, mit klaren Konturen, aber die dürfen nicht als Schlagwaffe benutzt werden“ (Rau, 2002a, s. 447). „Die Zeiten ideologischer Grabenkriege gehören

der Vergangenheit an“ (Rau, 2002b, s. 634). „Wir haben gesagt: Wir wollen nicht alles anders, aber vieles besser machen. Daran werden wir uns halten. Das sagen wir denen, die heute die Schlachten des Wahlkampfes noch einmal schlagen wollen“ (Schröder, 1999, s. 7).

«Деньги» и «политика» в некоторых контекстах сами именуются оружием, средством достижения определенных целей. В таких случаях наиболее часто в словоупотреблениях встречаются «бомба» («финансовая бомба» (*‘finanzielle Zeitbombe’*), «социальная бомба» (*‘soziale Bombe’*)) и «дубинки» (*‘Schlagstöcke’*), ср., например: „Michail war und ist eine tickende finanzielle Zeitbombe, die darauf wartet, jeden Moment zu explodieren“ (Bunte, 2002, s. 33). „Die soziale Bombe tickt“ (Luft, 1998a, s. 9). „Also, ich finde, man soll diese Geschichte aufarbeiten, aber man soll es redlich tun, man soll dabei nicht die verbalen Schlagstöcke benutzen“ (Rau, 2001b, s. 375). „Ich rufe alle Verantwortlichen in den Parteien dazu auf, gemeinsame Lösungen zu finden. Wenn das nicht gelingt, wird darüber im Wahlkampf zu reden sein, nur sollte im Wahlkampf darüber angemessen, also sensibel geredet werden, mit klaren Konturen, aber die dürfen nicht als Schlagwaffe benutzt werden“ (Rau, 2002a, s. 447).

Криминальные метафоры приписывают «деньгам» и «политике» свойства асоциальных объектов. «Деньги» могут быть вором, мучителем, преступником, убийцей и т. п., посредством чего в немецкой лингвокультуре выражается указание на то, что ради денег люди иногда (или часто) совершают незаконные действия, плохие поступки, ср.: „Komm, gib das Geld zurück, wenn es dich quält“ (Böll, Erzählungen, s. 262). „Ein Pfennig lockt den anderen“ (Wander, 1987, s. 1269). „Der Pfennig ist ein rechter Dieb“ (Wander, 1987, s. 1267). „Gold schlägt Geld, Sachwert schlägt Geldwert“ (Miller, 1986, s. 31). „Der Pfennig ist ein Schalk“ (Wander, 1987, s. 1267). „Geld läuft ins Spielhaus wie der Verbrecher zur Richtstätte“. „Geld ist ein Mörder“. „Geld ist ein Dieb“. „Geld erzeugt Diebe“. „Geld erzeugt Räuber“.

Именно связь с миром криминала способствует персонификации «денег» также и в сфере политики, которая может ассоциироваться с «убийцей рабочих мест» (*‘der Jobkiller’*) и даже с предательницами самой древней профессии на земле (*‘die Hure’*), как это представлено в следующих случаях: „Geld ist eine Hure, es will immer unter Leuten sein“. „Konsequente und marktwirtschaftlich orientierte Umweltpolitik ist kein Jobkiller, sondern Antrieb für einen modernen Wachstumsmarkt“ (Kohl, 1997, s. 15). „Neue Technologie mag – in einer ersten Phase – durchaus ein Jobkiller sein. Aber schon das Einkommen aus neuer Technologie ist – in einer zweiten Phase – eine Quelle neuer Arbeitsplätze durch neue Investitionen und durch neuen Verbrauch“ (Herzog, 1997, s. 24).

Немецкая политика также концептуализируется в социальной коммуникации терминами игры и спортивных состязаний. В целом немцы любят спорт и спортивные соревнования и при метафори-

ческой номинации социальной сферы используют понятия популярных в Германии видов спорта: футбола, лёгкой атлетики, гандбола, автогонок в классе автомобилей «Формула-1».

Так, например, федеральный президент ФРГ Йоханнес Рау (1999 – 2004 гг.) описывал работу немецких политиков как «эстафету по снижению налогов» (*‘der Steuersenkungswetlauf’*), а страны с высокоразвитой экономикой – как футбольные команды, играющие в высшей лиге (*‘in der Spitzenliga mitspielen’*): „Drittens: Eine leistungsfähige öffentliche Infrastruktur, die im Interesse der Bürger liegt, die im Interesse von Handwerk, Gewerbe und Industrie liegt, die lässt sich weder schaffen noch erhalten, wenn in der Politik der Steuersenkungswetlauf zum Modesport wird“ (Rau, 2002a, s. 259). „Wer in der Spitzenliga der Industrienationen mitspielen will, der sollte nicht versuchen, mit Niedriglöhnen zu operieren“ (Rau, 2002a, s. 299). „Moderne Steuerpolitik darf nicht zum Steuersenkungswetlauf werden – weder zwischen Parteien noch zwischen Staaten“ (Rau, 2002b, s. 364).

Из лёгкой атлетики в сферу общественно-социальных отношений перешли такие понятия, как «препятствие» (*‘die Hürde’*), «старт» (*‘der Start’*): „Die nächste Hürde nach einem gelungenen Start ist oft fehlendes Beteiligungskapital oder eine nicht ausreichende Kredit- und Darlehensversorgung, um das neue Unternehmen zu konsolidieren, Produktionsanlagen zu finanzieren oder neue Produkte bekannt zu machen“ (Clement, 2002b, s. 4).

Правительство Германии и оппозиционные ему фракции Германского бундестага описываются как две футбольные команды (*‘Fußballmannschaften’*), играющие между собой футбольный матч, например: „Und das Bild von zwei Fußballmannschaften ist gänzlich falsch: Keine Parlamentsmehrheit stürmt gegen das eigene, d. h. das Regierungstor“ (Laufs, 1999).

Сложно осуществимые политические действия, в свою очередь, могут характеризоваться терминами сложных гимнастических упражнений, как, например, «шпагат» (*‘der Spagat’*): „Ich habe hier das Problem, in meinem kurzen Beitrag den politischen Spagat zu machen als einer, der im Innersten davon überzeugt ist, dass auf lange Sicht Berlin als Hauptstadt natürlich auch Sitz von Regierung und Parlament sein wird“ (Lühr, 1999).

Среди номинаций денег важное место в немецкой лингвокультуре занимают словоупотребления, характеризующие большую силу и огромный их (денег) экономический потенциал, который подчиняет себе человека. В подобных случаях «деньги» становятся «господином» (*‘der Herr’*) мира и над человеком, который часто превращается в их раба (*‘der Sklave’*). Иногда деньги, наоборот, описываются как «слуга», «помощник» (*‘der Knecht’*, *‘der Diener’*), причем в некоторых контекстах оба эти значения противопоставляются друг другу («плохой, злой хозяин» – «хороший слуга»): „Geld ist der Welt Herr“. „Geld ist ein guter Knecht, aber ein schlechter Herr“. „Geld ist ein guter Diener, aber ein böser Herr“. „Der eine ist des Geldes Herr, der andere

sein Sklave“. „Geld ist wie ein Sklave; wenn du nicht verstehst, auf es zu achten, läuft es fort“. „Geld, der Meister aller Sachen, weiß aus Nein oft Ja zu machen“.

Экономическая сила «денег» придаёт им иногда статус высокого социального положения, привилегированного положения в обществе, благородного происхождения и т. п.: „Geld ist Adel, Geld ist ohne Tadel“. Geld macht jeden, der es hat, adlig: „Geld gibt Ehre, sagte der Frosch und setzte sich auf einen Heller“. Das Geld gehört den Menschen, aber kann auch Leute verführen: „Geld ist des Volkes Recht“. „Geld macht Lotterbuben“.

Тот факт, что «деньги» зарабатываются человеком в его профессиональной деятельности, отражен в изречениях, указывающих на связь денег с профессиями, искусством, например: „Geld lehrt Künste“. „Geld macht aus Vogelscheuchler Grazien“. „Geld macht schöne Leute“. Политическая сила и власть, напротив, воздействуют на человека негативно, или, как говорится в одной немецкой поговорке, «портит его характер»: „Die Politik verdirbt den Charakter“ (DUW 2001). Различные субъекты политической деятельности также могут представляться в виде людей определенных профессий или социальных ролей (слуг, служанок и пр.): „Bonn ist das Zimmermädchen der Politik; hier dreht sich alles um die Macht. Berlin dreht sich um sich selbst; es kennt keinen Respekt vor Titel und Namen“ (Weiß, 1999).

«Деньги» считаются и служат товаром («die Ware»), который, однако, может и сам вести торговлю, покупать («kaufen»): „Geld ist die beste Ware, sie gilt Sommer und Winter“. „Geld kauft das Land“. «Политика», совсем наоборот, является той сферой деятельности, которую осуществляют люди и которая никогда (в языковых номинациях и контекстах словоупотребления) не проявляет себя в качестве самостоятельной силы. Профессия политика (как род деятельности) при этом оценивается в немецком обществе в целом негативно, а сама политика, согласно известной поговорке (она есть и в русском языке), является грязным делом: „Die Politik ist ein schmutziges Geschäft“ (DUW 2001) (букв.: «Политика – грязное дело»).

Активно в современном немецком языке в сфере политики проецируется религиозный и сопутствующие ему (магия, волшебство) признаки. «Деньги» можно воспринимать как «всемогущего бога» («der allmächtige Gott», «der Proteus»): „Jetzt ist eben Geld für uns der Liebe Gott“ (Schily, 1996, s. 73). „Das Geld ist der tausendgestaltige charakterlose Proteus, der sich in alles zu verwandeln vermag“ (Schily, 1996, s. 75). „Das Geld ist sein Götze. „Geld ist des reichen Gott“. „Geld ist kein Gott, aber ein Halbgott“.

В немецкой культуре, помимо прочего, «деньги» считаются Божьим благословением («ein Gottes Segen»). Богатство, по мнению немцев, человеку даётся от Бога (во внутренней форме русского слова это также отражено: богатство – Бог), а значит, и «деньги» благословенны и могут служить благим делам: „Im Vorgefühl des Geldsegens verbringen Maximilian und Lea leidenschaftliche Stunden auf

Gomera“ (Prisma, 2003, s. 26, 31). „Einerseits erscheint das Geld als Zeichen des göttlichen Segens“ (Geld und Moral, 1994, s. 126).

Другая группа религиозных метафор отражает противоположный взгляд на природу «денег», которые воспринимаются как нечто «греховное»: „Im Mittelalter fiel Geld in Ungnade... Geld wurde in zunehmendem Maße als dämonisch dargestellt“ (Boundy, s. 43). „Viel Geld ist große Sünde, aber wenig Geld ist noch größere“. „Viel Geld ist große Sünde“. „Das kostet ein sündhaftes Geld“.

В современном немецком языке существует понятие «греховных денег» («das sündhafte Geld»), которое, однако, не имеет отношения к сфере религии, а выражает количественную характеристику (количество) денежных единиц, а точнее, – большое количество «денег», ср.: „Das ist ein sündhafter Preis“. («Это – греховная цена») в значении „überaus hoch“ (DUW 2001) («слишком высокая»).

В память о папских индульгенциях, когда в Средние века римско-католическая церковь отпускала грех за небольшое «вознаграждение», в слове немецкого языка сохраняются выражения, которые говорят о том, что «деньги» очищают человека от всех грехов, делают его свободным, а отсутствие денег в свою очередь мешает быть набожным: „Geld kann den Sünder ledig machen, wo kein es ist, stehen böse die Sachen“. „Wer kein Geld hat, dem hilft nicht, dass er fromm ist“.

Успешная политика в сфере экономики традиционно именуется метафорой «экономическое чудо» («das Wirtschaftswunder»), которое, по мнению президента И. Пау, переживала в своё время и Германия, ср.: „Ohne die Gewerkschaften wäre das deutsche Wirtschaftswunder nicht möglich gewesen“ (Rau, 2001b, s. 122). „Wir haben gerade in Deutschland mit der Zusammenarbeit der Tarifparteien gute Erfahrungen gemacht; ohne die Gewerkschaften wäre das deutsche Wirtschaftswunder nicht möglich gewesen, ohne die Gewerkschaften hätten wir heute nicht das Wohlstandsniveau und den sozialen Frieden, um den uns viele beneiden“ (Rau, 2002b, s. 102).

Политические действия правительства бывшей ГДР и социалистический способ экономического хозяйствования Восточной Германии восьмым президентом ФРГ (который по основной «гражданской» профессии до своего президентствования был как раз священником) были названы «греховными» (в первую очередь, – по отношению к окружающей среде) и, по его мнению, привели к «опустошению» («die Verwüstung») и «руинам» («die Ruine»): „Für Ihr Land wie für Deutschland gilt sinngemäß, was der tschechische Präsident Havel über die Hinterlassenschaft des Kommunismus gesagt hat: dass nämlich nicht nur Wirtschaftsruinen und Umweltsünden das Erbe einer diktatorischen Vergangenheit sind, sondern auch die Verwüstungen in den Köpfen der Menschen“ (Rau, 2000b, c. 247-248). „Diese mörderische Grenze mitten durch Berlin und mitten durch Deutschland war das Kainsmal eines Regimes, das Machterhalt und

Ideologie über Menschenrecht und Menschenwürde gestellt hat“ (Rau, 2002a, s. 49).

Политические оппоненты в общественно-политическом дискурсе в негативном смысле образно именуются «лжепророками» ('falsche Propheten') и «лжепроповедниками» ('falsche Prediger'), например: „Ja, ich bin zuversichtlich: Vieles wird besser werden. Aber glauben wir nicht den falschen Propheten, die uns sagen: Alles wird gut“ (Rau, 2001b, s. 235). „Herr Rüttgers mutierte in dem Zusammenhang bereits vom Zukunftsminister zum Innovationsprediger“ (Kiper, 1998, s. 4).

Международные террористы – новая угроза конца XX – начала XXI вв. – в современной немецкой политической коммуникации получили негативные метафорические наименования «пророки силы» ('Propheten der Gewalt'): „Wenn wir den Terrorismus besiegen wollen, brauchen wir einen langen Atem. Wir müssen bereit bleiben, notfalls auch militärisch einzugreifen. Vor allem aber ist ein politisches Handeln gefragt, das den Propheten der Gewalt im Vorhinein, also präventiv, den Boden entzieht“ (Rau, 2002b, s. 44-45).

Различные метафорические наименования «денег» функционируют и в концептуальной сфере сакрального, посредством чего подчеркивается их сила, исключительность, вера людей в их волшебную, потустороннюю силу. Много контекстов связано с употреблением лексемы «душа» ('die Seele') в сочетании с именем «деньги», причём эти контексты несут как негативный («душа войны», «похититель душ», «душегуб» и т. п.), так и позитивный («душа торговли») смысл, но негативный превалирует: „Geld ist die Seele des Geschäfts“. „Geld ist die Seele des Krieges“. Das Geld kann auch als ein böses Wesen dem Menschen die Seele stehlen oder sie töten: „Geld ist ein Seelendieb“. „Geld ist ein Seelenverderber“. „Geld ist ein Seelenmörder“. В некоторых немецких народных изречениях говорится о том, что деньги сами по себе нейтральны, а «плохими» или «хорошими» они становятся только в руках человека, ср.: „Geld ist an sich weder böse noch gut, es liegt immer an dem, der es brauchen tut“.

Магические метафоры объективируют концепты «деньги» и «политика» и развивают сакральную тематику, приписывая описываемым субстанциям волшебную, магическую силу: „Geld als Magie“ (Schily, s. 32). „Die Faszination des Geldes“ (Boundy, s. 188). „In unserer Vorstellung ist der Geizkragen fasziniert von seinem Geld und scheint völlig in seinen Bann gezogen“ (Boundy, s. 192). „Geld wird nicht nur mit Magie in der Verbindung gebracht, sondern auch mit dem Geheimnis der Fortpflanzung, Schöpfung, Fruchtbarkeit“ (Boundy, s. 32). „Geld hatte schon immer etwas Magisches“ (Boundy, s. 32). „Die ersten Münzen wurden oft als magische Amulette betrachtet, mit denen man sich vor Krankheiten, Armut und anderen Gefahren schützen konnte“ (Boundy, s. 32).

«Деньги» имеют сакральную природу, скрытую от понимания человека, см.: „Diskussion um „die heimlichen Gelder“ hat immerhin zu verschiedenen

Ansätzen geführt“ (Zeit, 2003). „Als der Rest meines Zaubergoldes erschöpft war...“ (Chamissos Werke, 211). „Aber ich habe keinen Zauberstaub, um den Euro hereinzuzaubern“ (Spiegel, 17, 2002, s. 104). „Man kann aus dem Gelde etwas Wirkliches hervorzaubern“ (Boundy, s. 167). Das Geld kann sich wie ein Zauberer verwandeln: „In Zahlen nimmt Geld verschiedene Gestalten an“ (Schily, s. 99).

«Политика», в свою очередь, понимается двояко. С одной стороны в немецком обществе и у политиков правящей партии представлено мнение, что «политика» не является «волшебным средством», «заклинанием» ('Zauberwort') от трудностей в сфере экономики, например: „Innovationen ist kein Zauberwort gegen die Arbeitslosigkeit, auch wenn in diesem Lande manchmal so getan wird“ (Kiper, 1998, s. 4). „Innovationen, Investitionen, Infrastruktur – drei Begriffe markieren die Prioritäten für den Fortschritt in Ostdeutschland. Sie kennzeichnen die Politik der Bundesregierung. Es sind keine Zauberworte. Sie müssen mit Inhalten gefüllt werden, die ineinander greifen und die sich gegenseitig ergänzen: Dadurch entsteht eine moderne und wettbewerbsfähige Wirtschaftsstruktur als Basis, um die Generationenaufgabe Aufbau Ost zu bewältigen“ (Clement, 2002b, s. 3). „Wie bereiten Sie sich am besten darauf vor? Ich habe dafür keine Zauberformel à la Harry Potter. Aber Sie müssen auch gar nicht zaubern können, um Ihren Beitrag zu leisten“ (Rau, 2001a, s. 156). „Das nennt man mit dem schönen Zauberwort Flexibilität. Ich sage denen, wir werden mit Ihrer, mit eurer Unterstützung darauf zu achten haben: Ja, wir brauchen das, was Peter Hartz und andere „atmende Fabrik“ genannt haben“ (Schröder, 2003g).

Но, с другой стороны, отдельные политики всё же приписывают некоторым социальным объектам определенную волшебную силу (как, например, у мифологического «эликсира жизни» ('das Lebenselixier')), которая должна хранить самую большую ценность современного германского общества и немецкой политической культуры – демократию: „Ich will auch nicht in Vergessenheit geraten lassen, was mir gelegentlich widerfahren ist, wenn ich von Studenten gebeten wurde, vom Rektor der Universität die Genehmigung zu erhalten, dass im Hofgarten eine Demonstration stattfinden könne, dass es nämlich langer Bemühungen bedurfte, diesen Rektor zu bewegen, der eben nicht, wie das üblich in Berlin ist, gesagt hat: Demonstration ist ein Lebenselixier auch für die Demokratie, sondern der gesagt hat: Das stört unseren Bonner Frieden“ (Kuhlwein, 1999). „Darum ist politischer Streit, wenn er um die Sache geführt wird, richtig und notwendig, ja ein Lebenselixier der Demokratie“ (Rau, 2002b, s. 639). „Und nur Werbung fördert den Wettbewerb der Produzenten und damit das Lebenselixier der Marktwirtschaft“ (Müller, 2003d).

В заключение следует отметить, что социальные концепты «деньги» и «политика» занимают в немецкой языковой картине мира одно из центральных мест, отражая ту область общественной деятельности, которая связана с товарно-денежными отношениями и сферой борьбы за

власть. Выделение и описание социального признака в структуре концептов «деньги» и «политика» позволяет отметить как общие, так и специфические черты данных ментальных единиц, причем достаточно часто процесс концептуализации сопряжен с метафорическим переосмыслением и созданием ярких и наглядных образов.

В ряду общих свойств и качеств «денег» и «политики» можно отметить их важное место в жизни каждого человека, их способность влиять на жизнь, поступки людей, искупать их грехи и делать их свободными. В то же самое время деньги сами становятся активно действующей и самостоятельной силой, которая способна вести торговлю и войну, быть источником волшебной силы и, как гласит немецкая поговорка, «править миром» („Geld regiert die Welt“ (букв.: «Деньги правят миром»)). В немецкой народной мудрости отмечается, что иногда от самого человека зависит то, будут ли деньги «злым хозяином» или «добрым слугой», пойдут ли они на благие дела или принесут вред.

Политика, в отличие от денег, хотя и связана с процессом осуществления власти, не имеет таких больших возможностей и редко выступает в качестве самостоятельной силы, оставаясь, в первую очередь, инструментом (или оружием) в руках политических деятелей (правительства и оппозиции), которые ее (политику) собственно и осуществляют. Политика может вести войну, приносить разрушения, быть волшебной и мистической силой (или, наоборот, не быть таковой), но она не правит миром и никогда не ассоциируется с деньгами (за исключением финансовой системы государства), являясь к тому же часто «греховным» и, как известно, «грязным делом» („Politik ist ein schmutziges Geschäft“).

Таким образом, в социально-политической коммуникации в разных контекстных реализациях «политика» и «деньги» воспринимаются как позитивно, так и негативно, в чем, собственно, и проявляется многомерность данных концептуальных образований в немецкой лингвокультуре. Ввиду своей важности и актуальности для современного немецкого общества данные две сферы находятся в постоянном развитии, пополняясь всё новыми номинациями, что делает их дальнейшее изучение на материале разных типов текстов и в сопоставительном аспекте перспективным направлением.

Литература

1. Антология концептов: сб. научных трудов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 1. – 348 с.
2. Антология концептов: сб. научных трудов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 2. – 356 с.
3. Антология концептов: сб. научных трудов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Т. 3. – 381 с.
4. Антология концептов: сб. научных трудов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. – Волгоград: Парадигма, 2006. – Т. 4. – 357 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – XV, 896 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
6. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / С. А. Аскольдов; под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267 – 279.
7. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика / А. П. Бабушкин: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1998. – 37 с.
8. Берестнев, Г. И. О «новой реальности» языкознания / Г. И. Берестнев // Филологические науки. – 1997. – № 4. – С. 44 – 52.
9. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
10. Керимов, Р. Д. Артефактная метафорика в политическом дискурсе ФРГ: уч. пособие / Р. Д. Керимов. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 168 с.
11. Колесов, В. В. Жизнь происходит от слова... / В. В. Колесов. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
12. Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. – СПб.: Юна, 2002. – 448 с.
13. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
14. Кубрякова, Е. С. Концепт / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина // Краткий словарь лингвистических терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 90 – 93.
15. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты: научные труды Центра концепта / С. Х. Ляпин. – Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. – Вып. 1. – С. 11 – 35.
16. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику: уч. пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.
17. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика: уч. пособие / В. А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
18. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М. В. Пименова // Монография. – Кемерово: Графика, 2004. – 388 с. – (Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 3).
19. Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования: уч. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2005. – 178 с. – (Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 5).
20. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в

сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

21. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: опыт исследования. – 2-е изд., испр. и доп. / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 990 с.

22. Федянина, Л. И. Концепт *Geld* в немецкой языковой картине мира: опыт концептуального анализа: уч. пособие / Л. И. Федянина. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. – 160 с.

23. Фрумкина, Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? / Р. М. Фрумкина // Язык и наука конца XX века. – М.: Наука, 1995. – С. 74-117.

24. Schwarz, M. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität: Repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz / M. Schwarz. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – VII. 163. – S. 273.

25. Schwarz, M. Einführung in die kognitive Linguistik. – 2., überarb. und aktual. Aufl / M. Schwarz. – Tübingen; Basel: Francke, 1996. – 238 S. – (UTB für Wissenschaft: Uni-Taschenbücher, 1636).

26. Wierzbicka, A. Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor: Karoma Publ., 1985. – 368 p.

Рецензент – Е. А. Пименов, ГОУ ВПО «Кемеровский государственный университет»